
Научная статья

УДК 398.2

DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-123-130

ОБ ИМЕНОВАНИИ БЁРЮ «ВОЛКА» В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

Лейла Созакбаевна Гергокова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© Л.С. Гергокова, 2023

Аннотация. Идеино-композиционные особенности собственных и нарицательных наименований героев являются специфической чертой карачаево-балкарского устного народного творчества. Система именований персонажей имеет установленные функции, дает описание, характеристику, а также подвергается классификации в рамках жанра.

В работе на примере ряда произведений устного народного творчества карачаевцев и балкарцев исследуется наименование бёрю «волк» в карачаево-балкарских мифологических произведениях и сказках о животных. Наблюдается, что в древних воззрениях имя хищника было табуировано, поскольку этот персонаж считался темным, что можно проследить и в культурах других народов. Древним названием волка у карачаевцев и балкарцев было *буд / бут*, от слова «боз», как утверждают многие ученые.

В статье отмечается, что, переходя из мифических рассказов в сказки о животных, культ бёрю «волка» уходит и появляется аллегория человека. Обращается внимание на то, что исследуемый персонаж способен проявлять положительные, но чаще всего отрицательные качества характера. Волк в животных произведениях обретает черты злого, подлого, хищного героя. Животному в данных сказках приписываются антропоморфные черты, поэтому здесь встречаются наименования собственные, что можно считать пережитком культовых взглядов.

Ключевые слова: карачаево-балкарский фольклор, мифологические тексты, сказки о животных, волк, тотем, персонаж, наименование

Для цитирования: Гергокова Л.С. Об именовании бёрю «волка» в карачаево-балкарском фольклоре // Вестник КБИГИ. 2023. № 4 (59). С. 123–130. DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-123-130

Original article

ABOUT THE NAMING OF BERYU “WOLF” IN KARACHAY-BALKARIAN FOLKLORE

Leila S. Gergokova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, leylagergokova79@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-7998-2075>

© L.S. Gergokova, 2023

Abstract. The ideological and compositional features of the heroes' proper and common nouns are a specific feature of karachay-balkarian oral folk art. The character naming

system has established functions, gives description, characteristics, and is also classified within the genre.

Using the example of a number of works of oral folk art of the karachais and balkarians, the work examines the naming of *beryu* “wolf” in karachay-balkarian mythological works and fairy-tales about animals. It is observed, that in ancient views the name of the predator was taboo, since this character was considered totemic, which can be traced in the cultures of other peoples. The ancient name of the wolf among the karachais and balkarians was *bud / but*, from the word “*boz*,” as many scientists claim.

The article notes, that, moving from mythical stories to fairy-tales about animals, the cult of the *beryu* “wolf” disappears and an allegory of man appears. Attention is drawn to the fact, that the character under study is capable of demonstrating positive, but most often negative, character traits. The wolf in animalistic works takes on the features of an evil, vile, predatory hero. Animals in these fairy-tales are attributed anthropomorphic features, so proper names are found here, which can be considered a relic of cult views.

Keywords: karachay-balkarian folklore, mythological texts, fairy-tales about animals, wolf, totem, character, naming

For citation: Gergokova L.S. About the name of *beryu* “wolf” in karachay-balkar folklore. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2023; 4 (59): 123–130. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2023-4-59-123-130

Изначально считалось, что именованья животных в фольклорных жанрах должны меняться в зависимости от возраста и статуса сказочника: для артистичных, виртуозных сказителей были установлены свои формульные именованья персонажей. Но данная гипотеза не была подтверждена, поскольку особых названий «от себя» у сказочников не наблюдалось. Основная стилистическая роль именованья заключалась в том, что они являлись главным средством художественного обобщения.

Именованье персонажей в карачаево-балкарских устных народных произведениях приобретает особую функцию, позволяющую открывать в фольклорных текстах оттенки смыслов, после чего произведения приобретают более яркий эмоциональный колорит. Языковая семантика нарицательных именованья в сказках формирует особое, художественное значение апеллятивного лексикона.

Образ *бёрю* «волк» в народных произведениях претерпевает изменение от тотемного животного до персонажа народных сказок о животных: из культового зверя он превращается в простодушного героя. В работе впервые исследуются имена нарицательные и собственные, как средства обозначения данного животного, изучаются вопросы системы именованья и ее роли в раскрытии типа персонажа, анализируется семантика апеллятивных и собственных именованья данного персонажа, функционирующего в народном фольклоре, что обуславливает актуальность данного исследования. Материалом изыскания явились нарицательные имена, прозвища волка в мифологических нарративах и сказках о животных карачаевцев и балкарцев. Основными методами, применяемыми при разборе, предстали описательный и сравнительно-исторический.

Использование разнообразных номинаций для обозначения персонажа *бёрю* «волк» выполняет в тексте разные функции: информативную, выделительную и др.

Тотемизм у карачаевцев и балкарцев, как поклонение животным, появился еще на ранних этапах исторического развития: здесь животные наделяются сверхъестественной силой, поэтому люди обращаются к их помощи или же опасаются их и остерегаются. В этот период именованье персонажей в фольклорных произведениях приобретает особенные смыслообразующие функции, одной из которых является табуирование имени *бёрю* «волк». Культ данного хищника можно обнаружить у многих народов Евразии. В устных произведениях часто встречается слово *бёрю* «волк» с эпитетом *боз* «серый». Многие исследователи это связывают с тем, что имя хищника в древние времена скрывали и называли «буд» от слова «боз».

М. Джуртубаев отметил, что *бүд* – вариация от общетюркских *бу* и *буз* «серый» [Джуртубаев 1991: 36]. «Табу на имя волка – это следствие и сакрализации образа животного. Волк покровительствовал охотникам и воинам, которые, отправляясь на охоту, возносили ему молитвы и приносили жертвы. Но в более поздний период на первый план выходят хозяйственные интересы, связанные со скотоводством и желанием для себя и своего скота избежать опасности, не накликав беду» [Текеева 2012: 37]. Чтобы защитить домашних животных от клыков хищника, у тюркских народов существовали заговоры. Многие помнят, что в детстве старейшины повторяли какие-то слова и завязывали семь узелков, но после того, как скотина находилась, узелки развязывали и читали другой заговор при этом они не произносили имя *бёрю* «волк».

Приведем пример одного из заговоров, где скрывали и не называли волка по его нарицательному имени, давали ему другие имена – *бүд*, *атайтмаз*, *жанлы* «волк, неназываемый, сторонний»:

*Бүд кьойлагъа кирмесин,
Бүд аланы кёрмесин,
Аузун Тейри кьуруштурсун,
Итлерибизге аланы сюрюшдюрсюн.
Кийиз къамичи беригиз,
Тёгерекге айланайым,
Келип, къамичини жерге урайым,
Атайтмазны бери келмезча этейим* [Джуртубаев 2011: 15].

Пусть **волк** на овец не нападет,
Пусть **волк** их не увидит,
Пусть Тейри сведет его челюсти,
Пусть даст нашим собакам прогнать их (волков).
Войлочную плеть дайте (мне),
Округу обойду,
Вернувшись, плетью ударю по земле,
Сделаю так, чтобы **неназываемый** сюда не приходил.

Описывая разные культовые обряды, Л.К. Текеева отмечает, что тема человека-волка изображена в самых разнообразных традициях у многих народов. Этого зверя тюркоязычные народы Северного Кавказа наделяли сверхъестественными возможностями, поэтому считали его священным животным. Автор описывает обряд наделения силой и отвагой ребенка с применением волчьего сердца, или же наказания воров при помощи волчьей жилы. Чтобы уличить вора, сжигали волчью жилу и произносили заговор. В связи с этим в народе по отношению к человеку, которого подозревали в обмане / воровстве, появилась фраза «*Кьолунга бёрю сингир берге эдим*» – «Дал бы тебе в руки волчью жилу», настолько велика была вера в ее магические свойства [Текеева 2012: 38].

По мере эволюции человеческого общества разные верования, затрагивавшие многих представителей животного мира, в том числе и *бёрю* «волка», трансформировались, приспособляясь к условиям существования. Поэтому из мифологических рассказов о культовом животном исследуемый персонаж перешел в животные сказки, потеряв свои тотемные качества и приобретая новые – аллегория, чаще всего с образом человека-притеснителя.

В карачаево-балкарском фольклоре *бёрю* «волк» является одним из главных героев, но при этом в основном он является отрицательным персонажем. Поэтому в животных сказках содержатся оценочные номинации для данного персонажа, обладающие негативной коннотацией: *жыртхыч бёрю* «хищный волк», *акъылсыз бёрю* «безумный / глупый волк» и др.

Интересно и то, что в народном сказочном пространстве встречается только один представитель данного класса животных. Например, если в сказке главным героем выступает волк, то редко встречаются такие варианты, где могут быть другие подобные животные. То же самое можно сказать о медведе и ряде других животных персонажей. Однако в случае с лисой возможны отступления. Так, в сказке «*Бишангысыз юч нёгер*» – «Ненадежные три друга» [КъМФС III 2017: 560–602] в числе одураченных трикстерным героем персонажей наряду с волком оказывается и стая лис, которые лишаются своих хвостов по коварному замыслу своей соплеменницы, желающей избежать заслуженной расплаты.

В системе именовании героев в карачаево-балкарских анималистических сказках как стилевой компонент рассматриваются имена собственные и имена нарицательные, а иногда номинативные различия между ними практически уравниваются. В данных произведениях имя хищника уже не скрывается, поскольку он не носит настолько большой смысловой нагрузки, как в мифологических рассказах. Следовательно, в таких народных произведениях возникает онимизация имен нарицательных. Это проявляется в их написании с заглавной буквы: *Тюлкю* – «Лиса», *Бёрю* – «Волк», *Айыу* – «Медведь», *Теке* – «Козел», *Агъач тауукъ* – «Куропатка» и др.

Например, в сказках «*Айыу, Бёрю, Тюлкю*» – «Медведь, Волк, Лиса» и «*Бёрю бла Агъач тауукъ*» – «Волк и Куропатка» [КъМФ 1987: 322] именование волка и других персонажей происходит с заглавной буквы:

«Эртте-эртте бир Айыу, бир Бёрю, бир Тюлкю болгъандыла» [КъМФ 1987: 322]

«Давным-давно жили один Медведь, один Волк, одна Лиса»;

«Айыуну къарны болгъанды эм уллу. Айыуну тюнге басхандыла да кесгендиле Бёрю да, Тюлкю да» [КъМФ 1987: 322]

«У медведя оказался самый огромный живот. И Волк, и Лиса подмяли Медведя под себя и зарезали»;

«– Ой, сен жапысыз! Жанымы алып къойдунг да! Туугъанлы кюрешесе, сени ююннг не бир битмейди, не чирип, бир оюлмайды! – дегенди Бёрю.

– Сен а жаратылгъанлы кюрешесе – урлагъанны къоймайса! Не юсюнге эт къонмайды, не къарынынг тоймайды, – дегенди Агъач тауукъ» [КъМФ 1987: 325]

«– Ой, нелепый! Ты чуть душу мою не забрал! С рождения стараешься, твой дом не заканчивает строиться, или не разваливается, сгнив! – сказал Волк.

– А ты с рождения стараешься – не перестаешь воровать! Не поправляешься (досл.: к тебе мясо не пристает) и не наедаешься».

Исследователь И.Е. Пенская делает вывод о том, что точку зрения, соотношением которой между именами нарицательными и именами собственными проходит резкая граница, можно считать неправомерной. Обнаружение функциональных эквивалентов имен собственных подтверждает то, что между ними наличествует промежуточная категория номинативных единиц. Автор отмечает, что в ходе исследования было выявлено: «...явление, ранее не отмечавшееся исследователями – особая номинативная категория лексических единиц, занимающая промежуточное положение между именами собственными и именами нарицательными.

Эти единицы имеют форму имен нарицательных и могли бы, в принципе, использоваться для номинации класса объектов (денотата) или для каждого из нескольких референтов в рамках одного денотата» [Пенская 2008: 9].

Целесообразно отметить и то, что в качестве способов именовании героев в зооморфных сказках встречаются имена нарицательные (*бёрю* – «волк», *жанлы* – «сторонний» и др.):

«Айыу сорду:

– Не болгъанды, **бёрю**, айт хапар.

– Не болуп а: биягъы сюрючюнню сокъур жаны бла бара тургъанымлай, жетгендиле да, ёлтюрюрге аздан къоюн, алай къутулгъанма, – деди» [КъМФС III 2017: 610]

«Медведь спросил:

– Что случилось, **волк**, рассказывай.

– А что могло случиться: когда я проходил опять со слепой стороны пастуха, меня догнали и чуть не убили, еле унес ноги, – рассказал волк»;

«Бир заманда Албёрю уянын къараса, къойла жокъ. **Жанлы** сюрюп кетди деп, ызлары бла тартып талагъа чыкъса, къойла отлай, Тутбёрю да арлакъда таланып, хурттак-хурттак болуп тургъанын кёреди. Сынчыкълап бетине къарайды да: ‘Аха, жат энди, хыйлачыны эки юлюшю башына’, – деп, къойларын да сюрюп, юйюне кетеди» [КъМФС III 2017: 654]

«Вдруг, когда Албёрю проснулся и посмотрел, баранов не было. Подумал, что **сторонние** их погналы, и пошел за ними, поднялся на холм, а там пасутся бараны. Видит, что Тутбёрю лежит чуть дальше от них растерзанный, разорванный в клочья. Доковыляв, посмотрел в лицо: ‘Аха, лежи теперь. Хитрый платит дважды’, – сказал, и, погнав баранов, пошел домой».

В сказочных текстах обилуют производные от этих апеллятивных именований, лексем (*бёрючюк* «волчок», т.е. «маленький волк» и т.п.):

«Къозу къочхарчыкъ, ёхтемленип, тик къаран, суху ён бла:

– Сау бол, къарт **бёрючюк**, – деп жууаплагъанды.

...

– Темир къылычларым!

– Аланы неге жюрютесе?

– Сени кибик аман **бёрючюклени** ёлтюрюрге!» [КъМФС III 2017: 734]

«Барашек, гордо посмотрев сверху вниз, резко грубым голосом ответил:

– Спасибо, старый **волчок**.

...

– Железные мечи.

– Для чего их носишь?

– Чтобы таких плохих **волчков**, как ты, убивать!».

Карачаево-балкарские сказки о животных изобилуют именами нарицательными *бёрю* «волк», *жанлы* «сторонний» с постоянными эпитетами *боз бёрю* «серый волк», *къарт бёрю* «старый волк»:

«Сюрюу иги да узайгъынчы, бир **боз бёрю** къозуларыма чанды» [КъМХЖ I 2012: 557] – «Пока стадо еще недалеко ушло, один серый волк напал на моих ягнят»;

«Ана къой чырны ичи бла бара, аны аллына кесича бир къарт **жанлы келди**» [КъМХЖ I 2012: 557] – «Когда овцематка шла через кусты, к ней навстречу пришел такой же старый, как и она сама, сторонний».

В зооморфных сказках редко, но встречаются имена собственные («*Къурта*» [КъМХЖ I 2012: 574], «*Чомарт бла Момарт*» [КъМХЖ I 2012: 549]). «Это, безусловно, можно объяснить тем, что человеческие персонажи в сказках о животных являются второстепенными, хотя и могут выполнять функцию трикстера в отдельных сюжетах» [Мариничева 2016: 35].

Приведем пример названия сказочного персонажа волка именем собственным – «*Аппа бла Къурта*» – «Старик и Курта» [КъМХЖ I 2012: 574]:

«Бёрюлени ичинде бир бек хыйлачы, адамлары, итлени да алдап кетиучю бир *Къурта бёрю* болгъанды. Ол бёрю, маллагъа кюндюзгю кюнде окъуна чаба, къойлары,

эчкилени да бууа, Аппаны башын суугъа атарыкъ этген эди. Бир кюн а Аппа: “Къуртаны харам ашагъанын бир къусдурмасам, башыма бёрк киймем”, – деп ант этгенди» [КъМХЖ I 2012: 574–575].

«Среди волков самый хитрый, и людей, и собак, обманув, ухотивший один волк Курта был. Этот волк, напал на скот даже среди бела дня, душил баранов и коз, чем довел Аппу до состояния броситься в омут с головой. Однажды Аппа: «Если я не сделаю так, чтобы Курта отыгнул то запретное, что съел, не носить мне шапку на голове», – сказав, поклялся».

В других обстоятельствах именованья носят нейтральный характер и сходятся с лексическим названием животного персонажа. Различия в именованьях героев выявляются между повествованием и диалогом. Сказки о животных в основном состоят из диалогов между ее главными и второстепенными персонажами, а повествовательная часть занимает незначительный фрагмент всего произведения: одно или два предложения в начале текста. Например:

«Эртте-эртте бир къозулу къой бла бёрю шүёх болгъандыла. Къой отларгъа кетгенде, къозусун бёрюге аманат этип болгъанды. Бир кере къой отларгъа кетгенде, бёрюню эсине аман акъыл келип, къозусун ашаргъа умут этгенди. Бёрю къозуну ашаргъа тебирегенде, хоншусу айтханды:

– Да сен, бёрю, анасы бла шүёх болуп, баласын къалай ашарса? – дегенди.

– Аны, анасы бир кере бир аман къаргъагъан эди да, андан ашайма, – деп, жууап бергенди бёрю» [КъМФС III 2017: 659]

«Давным-давно одна овца с ягненком и волк подружились. Когда овца уходила пастись, ягненка она доверяла волку. Однажды, когда овца ушла пастись, в голову волка пришла хитрая мысль: задумал он съесть ягненка. Когда волк собрался съесть ягненка:

– Ты, волк, дружишь с его матерью, как ты съешь ее детеныша? – спросил сосед.

– Однажды мать очень сильно его прокляла, поэтому и съем, – сказав, отвел волк».

«Начало диалогов в сказке о животных и есть начало движения сказочного сюжетного развития. Переключение сказочником своей речи на речь персонажей происходит тогда, когда нейтральное именование персонажей изменяется и становится обращением. Сказочное обращение, таким образом, оказывается сильной начальной позицией всего сказочного действия [Мариничева 2012: 109]. Такой эффект Ю.Ю. Мариничева называет *переключением регистра сказочной речи*. Автор считает, что нужно использовать это для того, чтобы оказаться в мире сказки. Для этого нужно изменить голос, а также применить характерные для каждого персонажа обращения. Эти обращения-именования являются завязкой поступков героев и сказочного конфликта.

Из представленных сказок видно, что имена персонажей и их значение особенно сильно актуализируются в диалогах. Здесь же происходят основные действия.

Таким образом, можно сделать, что в повествовательной речи устного народного творчества карачаевцев и балкарцев именование *бёрю* «волка» прослеживается и в мифологических произведениях. Еще со времен, когда волк был культовым животным, его имя табуировали. Именование этого героя является проводником из мифологических рассказов в сказочный мир, где сказители в основном пользуются обычными названиями животных: *бёрю* «волк», *тылюкю* «лиса» и т.д., без какой-либо характеристики и эпитетов. Лишь в одном случае встречается название сказочного персонажа волка именем собственным – *Къурта* – «Курта». Свои имена герои народных произведений получают не в упоминаниях сказителей, а в диалогах или обращениях.

Список источников

Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. 256 с.

Джуртубаев 2011 – *Джуртубаев М.Ч.* Мифология и эпос карачаево-балкарского народа: Древние верования балкарцев и карачаевцев. Карачаево-балкарский героический эпос. Нальчик: Эльбрус, 2011. 488 с.

КъМФ 1987 – *Къарачай-малкъар фольклор: нарт таурухла, айтыула, хапарла, джомакъла / джыйгъан, джарашдыргъан, ал сѣзюн эмда эсгертиулени джазгъан Ортабайланы Р.А.-К. Черкесск: Ставрополь китаб басманы Къарачай-Черкес бѣлюмю, 1987. 344 б. (Карачаево-балкарский фольклор: нартские сказания, легенды, новеллы, сказки / сост., вступ. ст., коммент. Р.А. Ортабаевой. Черкесск: Карач.-Черкес. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1987. 344 с.).*

КъМФС III 2017 – *Къарачай-малкъар фольклорну своду. 3-чю том. Къарачай-малкъар жомакъ / жуапшы редактор Малкъондуланы Х.Х. Нальчик: РИА КъМИЦ ГИИ-ни редакторлу-басма бѣлюмю, 2017. 990 б. (Свод карачаево-балкарского фольклора. Том 3. Карачаево-балкарская сказка / отв. ред. Х.Х. Малкондуев. Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. 990 с.).*

КъМХЖ I 2012 – *Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. Экикитап тобламасы. Биринчи китабы / басмагъа жарашдыргъан Мусукаланы С.А. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 б. (Карачаево-балкарские народные сказки: в 2 кн. Кн. 1 / сост. С.А. Мусукаева. Нальчик: Эльбрус, 2012. 592 с.).*

Мариничева 2012 – *Мариничева Ю.Ю.* Русские сказки о животных: историография, сюжеты и персонажи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2012. 206 с.

Мариничева 2016 – *Мариничева Ю.Ю.* К вопросу об именах собственных в русской сказочной речи // *Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика.* 2016. № 3. С. 34–40.

Пенская 2008 – *Пенская И.Е.* Имена собственные в русских народных сказках и способы их передачи на английский язык: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 23 с.

Текеева 2012 – *Текеева Л.К.* Культ волка в традиционных представлениях тюркоязычных народов Северного Кавказа // *Вестник пермского университета.* 2012. № 3 (20). С. 37–42.

References

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevev* [Ancient beliefs of balkarians and karachais]. Nalchik: Elbrus, 1991. 256 p. (In Russian)

DZHURTUBAEV M.CH. *Mifologiya i epos karachaevo-balkarskogo naroda: Drevnie verovaniya balkarcev i karachaevev. Karachaevo-balkarskij geroicheskij epos* [Mythology and epos of karachay-balkarian people: Ancient beliefs of balkars and karachais. Karachay-balkarian heroic epos]. Nalchik, Elbrus, 2011. 488 p. (In Russian)

K"arachaj-malk"ar fol'klor: nart tauruhla, ajtyula, haparla, dzhomak"la [Karachay-balkarian folklore: Nart tales, legends, short stories, fairy-tales] / compilation, introductory article, comments by R.A. Ortabaeva. Cherkessk: Karachay-Cherkessian branch of Stavropol book publishing house, 1987. 344 p. (In Karachay-Balkarian)

K"arachaj-malk"ar fol'klornu svodu. 3-chyu tom. K"arachaj-malk"ar zhomak" [The set of karachay-balkarian folklore. Vol. 3. Karachay-balkarian fairy-tale] / Executive editor H.H. Malconduev. Nalchik: Publishing department of IHR KBSC RAS, 2017. 990 p. (In Karachay-Balkarian and in Russian)

K"arachaj-malk"ar halk" zhomak"la [Karachay-balkarian folk fairy-tales]: in 2 books. Book 1 / compiled by S.A. Musukaeva. Nalchik: Elbrus, 2012. 592 p. (In Karachay-Balkarian)

MARINICHEVA YU.YU. *Russkie skazki o zivotnyh: istoriografiya, syuzhety i personazhi* [Russian fairy-tales about animals: historiography, plots and characters]: diss. ... cand. of philol. sciences. St. Petersburg, 2012. 206 p. (In Russian)

MARINICHEVA YU.YU. *K voprosu ob imenah sobstvennyh v russkoj skazochnoj rechi* [On the issue of proper names in russian fairy-tale speech]. IN: *Vestnik SpbGU* [Bulletin of St. Petersburg State University]. Ser. 9. Philology. Oriental studies. Journalism. 2016. № 3. P. 34–40. (In Russian)

PENSKAYA I.E. *Imena sobstvennye v russkih narodnyh skazkah i sposoby ih peredachi na anglijskij yazyk* [Proper names in russian folk fairy-tales and methods of their translation into english]: abstract of the diss. ... cand. of philol. sciences. Moscow, 2008. 23 p. (In Russian)

ТЕКЕЕВА Л.К. *Kul't volka v tradicionnyh predstavleniyah tyurkoyazychnyh narodov Severnogo Kavkaza* [The cult of the wolf in traditional ideas of the turkic-speaking peoples of the North Caucasus]. IN: *Vestnik permskogo universiteta* [Bulletin of the Perm University]. 2012. № 3 (20). P. 37–42. (In Russian)

Информация об авторе

Л.С. Гергокова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского фольклора.

Information about the author

L.S. Gergokova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of the Sector of Karachay-Balkarian Folklore.

Статья поступила в редакцию 12.12.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 26.12.2023.

The article was submitted 12.12.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 26.12.2023.